

В.П. САФРОНОВ

АМЕРИКАНСКАЯ ОККУПАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В ЯПОНИИ (сентябрь–декабрь 1945 года)

Оккупация Японии союзниками, продолжавшаяся свыше шести с половиной лет – с конца августа 1945 и до конца апреля 1952 г., и связанная с ней полная трансформация японского общества явились уникальным мероприятием в истории международных отношений. Хотя оккупация Японии считалась общесоюзническим делом, фактически она стала прерогативой американцев, особенно на начальном этапе, которые осуществляли все предварительное и текущее планирование и проводили оккупационные мероприятия. Этот начальный этап условно можно ограничить концом 1945 г., когда СССР, США и Великобритания на совещании трех министров иностранных дел в Москве в декабре 1945 г. приняли решение об учреждении Дальневосточной комиссии для выработки основного политического курса в отношении Японии и о создании Союзного совета – многостороннего союзнического контрольного механизма.

Целью оккупационной политики США, отмечает американский исследователь Р. Финн, было реформировать и наказать Японию за агрессию, а вовсе не помочь ей восстановиться или сделать своим союзником. Планы американцев обходили стороной вопросы продовольственного самообеспечения Японии и производства потребительских товаров, не говоря уже о восстановлении ее промышленности. На международной арене они отводили Японии незначительную роль. Вашингтон предполагал, что крупнейшей державой в Азии и самым важным его союзником в этом регионе будет гоминьдановский Китай, а СССР станет проводить политику сотрудничества на Дальнем Востоке¹.

По мере продолжения оккупационной политики к ней стали подключаться и другие союзные державы, хотя их роль ограничивалась лишь выработкой определенной части решений, выполнение которых ложилось на Верховного командующего союзных держав американского генерала Д. Макартура. За все годы оккупации Макартур получил 111 директив, из которых 60 исходили от союзных держав, а остальные от Вашингтона². Многие ранние американские планы в отношении Японии явились плодом либеральных академических ученых и экспертов по дипломатии, хорошо знавших страну и сумевших противостоять давлению в пользу применения к ней драконовских мер, которому подверглись разработчики планов по Германии.

Американские специалисты по Японии считали, что в отличие от Германии, закоренелый милитаризм и агрессивность которой слишком запущены и их надо выкорчевывать жесткими, хирургическими методами, японский случай поддается излечению относительно либеральными средствами. Более того, если в Германии союзники никак не могли доверить немецкому правительству управлять своей страной в переходный период даже под их контролем, то в Японии, наоборот, было решено осуществлять верховную власть союзных держав через само японское правительство, формальная власть которого была сохранена.

Сафронов Вячеслав Петрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

¹ Finn R. *Winners in Peace*. MacArthur, Yoshida and Postwar Japan. Berkeley, 1992, p. 28.

² Ibid., p. 29.

Похожую и в то же время особую позицию занимал генерал Макартур, хорошо знавший Восточную Азию. Он исходил из того, что применительно к Японии не следует повторять печальный опыт Версальского мира, который был сопряжен с национальным унижением разбитого противника и с появлением у него желания отомстить. Нужен совершенно иной подход, состоящий в проявлении великодушия, справедливости и сострадания по отношению к бывшему врагу, чтобы заслужить понимание и благодарность со стороны японцев и не оскорблять их чувств. Макартур рассматривал Японию в качестве огромной всемирной лаборатории, где осуществляется эксперимент по освобождению народа от тоталитарной власти милитаризма и по либерализации формы правления изнутри. Это выходило далеко за рамки первоначальных целей союзников, заключавшихся в том, чтобы уничтожить способность Японии вести войну и наказать военных преступников. Обращаясь к японскому народу в самом начале своей деятельности в качестве Верховного командующего союзников, Макартур публично заявил, что его задача не подавлять Японию, а “поднять ее снова на ноги”³.

Мероприятия по оккупации и переустройству Японии, к которым приступил Макартур сразу же по прибытии в эту страну, начали разрабатываться в Вашингтоне совместными усилиями Госдепартамента, военного и военно-морского министерств еще в начале 1944 г. и приобрели в целом свою завершенную форму к моменту капитуляции азиатского агрессора. Их план был срочно передан генералу в основных чертах 29 августа 1945 г. Документ этот получил название “Первоначальная политика Соединенных Штатов после капитуляции”. 6 сентября он был одобрен президентом Г. Трумэн и 23 сентября опубликован. Он стал самым важным и самым известным документом периода оккупации, на котором базировалась вся последующая политика США и союзников в Японии. Он никогда не разбирался подробно в советской историографии по идеологическим и политическим соображениям и потому недостаточно знаком читателям. Между тем это знаковый документ, без которого нельзя правильно ориентироваться в оккупационной политике США.

Этот документ определял только общий политический курс и не касался всех вопросов, относившихся к оккупации, которые предполагалось осветить отдельно. “Первоначальная политика...” состояла из четырех частей. В первой рассказывалось об основных целях оккупационной политики США. Во второй говорилось о власти союзников в Японии. Третья и четвертая части конкретизировали политические и экономические вопросы.

В документе провозглашались две конечных цели американской политики в отношении Японии: 1) “Гарантировать, что Япония никогда вновь не станет угрозой Соединенным Штатам или миру и безопасности во всем мире”; 2) Обеспечить образование мирного и ответственного правительства Японии, которое будет уважать права других государств и поддерживать идеалы и принципы Хартии Объединенных Наций”⁴.

Этих целей предполагалось добиться следующими средствами:

а) Ограничением суверенитета Японии четырьмя главными островами – Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и “такими меньшими отдаленными островами, которые могут быть определены” в соответствии с Каирской декларацией и другими существующими или будущими соглашениями.

б) Полным разоружением и демилитаризацией Японии; полным устранением власти милитаристов и влияния идей милитаризма из политической, экономической и общественной жизни; решительным подавлением институтов – носителей духа милитаризма и агрессии.

в) Поощрением японского народа к развитию стремления к индивидуальной свободе и уважения к фундаментальным правам человека, в особенности таким, как свобода

³ *MacArthur D. Reminiscences. New York, 1964, p. 284.*

⁴ *Political Reorientation of Japan. September 1945 to September 1948. Appendixes. New York, 1948, p. 423.*

религии, собраний, слова и печати; поощрением к созданию демократических и представительных организаций.

г) Развитием мирной японской экономики⁵.

Относительно власти союзников в оккупационный период в документе говорилось, что военная оккупация Японских островов будет осуществляться в целях реализации вышеупомянутых основных целей, от имени главных союзных держав и в интересах Объединенных Наций, воевавших с Японией. При этом заявлялось, что “участие войск других стран, игравших ведущую роль в войне против Японии, будет приветствоваться и ожидаться”. Хотя выражалось намерение проводить политику, которая удовлетворяла бы главные союзные державы, тем не менее подчеркивалось, что “в случае каких-либо разногласий между ними приоритет будет отдаваться политике Соединенных Штатов”⁶.

В документе прописывались взаимоотношения союзников с японскими властями. Подчеркивалось, что власть императора и японского правительства будет подчинена Верховному командующему союзных держав, который будет обладать всеми необходимыми полномочиями для реализации условий капитуляции и проведения политики оккупации и контроля в Японии. В целях сокращения усилий и затрат со стороны США для выполнения поставленных задач Верховному командующему поручалось осуществлять свою власть через японское правительство и через императора, которым разрешалось в соответствии с указаниями Макартура выполнять свои административные функции внутри страны.

При этом за Верховным командующим сохранялись права и обязанности вносить изменения в механизм правительства и в его состав или же действовать напрямую, если император или другая японская власть неудовлетворительно выполняют условия капитуляции. Во взаимоотношениях с японскими властями Макартура предписывалось “использовать существующую форму правления в Японии, а не поддерживать его”. Приветствовались изменения в форме правления по инициативе японского народа или правительства в направлении модификации его феодальных и авторитарных тенденций⁷.

В разделе документа, посвященном конкретным политическим проблемам, выделялись три группы вопросов: разоружение и демилитаризация Японии; военные преступления; поощрение демократических процессов и стремления к индивидуальным свободам.

Разоружение и демилитаризация объявлялись первейшими задачами военной оккупации, которые следовало провести быстро и решительно. Япония не должна была иметь армию, военно-морской и военно-воздушный флоты, тайную полицию и гражданскую авиацию. Японские сухопутные, военно-воздушные и военно-морские силы разоружались и распускались, расформировывались императорская Ставка, генеральный штаб и все организации тайной полиции. Военные материалы, военно-морские суда и сооружения, военная, морская и гражданская авиация подлежали сдаче и последующему распоряжению ими в соответствии с приказами Верховного командующего союзников.

Высшие должностные лица императорской Ставки и генштаба, высшие армейские и военно-морские чины японского правительства, лидеры ультра националистических и милитаристских организаций и другие влиятельные проводники идей милитаризма и агрессии брались под арест до соответствующего распоряжения. Активные защитники милитаризма и воинствующего национализма увольнялись со всех государственных и общественных должностей, а также с влиятельных постов в частной службе. Ультра националистические или милитаристские общественные, политические, профессиональные и коммерческие организации и институты распускались и запрещались. Доктрина

⁵ Ibidem.

⁶ Ibidem.

⁷ Ibid., p. 423–424.

и практика милитаризма и ультранационализма устранялась из системы образования, равно как и их носители прежде всего из числа бывших кадровых офицеров⁸.

Документ предписывал арестовать, судить и наказать лиц, признанных виновными в совершении военных преступлений против граждан Объединенных Наций или других стран.

Специальный параграф был посвящен развитию индивидуальных свобод и демократических процессов в Японии. Немедленно с началом оккупации провозглашалась свобода религиозного вероисповедания. При этом подчеркивалось, что под сенью религии не будет позволено спрятаться ультранационалистическим и милитаристским организациям или движениям. Японский народ поощрялся к ознакомлению с историей, институтами, культурой и достижениями Соединенных Штатов и других демократий. Поощрялось создание демократических политических партий.

Законы, указы и постановления, вводившие дискриминацию на основе расовой и национальной принадлежности, веры или политических убеждений, отменялись. Аннулировались или исправлялись юридические акты, противоречившие целям и политике, обозначенным в директиве Макартуру. Лица, несправедливо посаженные в тюрьму японскими властями по политическим мотивам, подлежали освобождению. Надлежало максимально быстро реформировать юридическую, законодательную и полицейскую систему Японии, чтобы она соответствовала указанной политике разоружения и демилитаризации Японии и защищала индивидуальные свободы и гражданские права⁹.

Самый большой раздел документа включал экономические вопросы. В нем имелись следующие параграфы: экономическая демилитаризация; содействие демократическим силам; возобновление мирной экономической деятельности; репарации и реституция собственности; финансово-денежная и банковская политика; международные торговые и финансовые отношения; японская собственность за рубежом; равенство возможностей для иностранного предпринимательства; собственность императорского двора.

Ключевое место занимала статья об экономической демилитаризации Японии как гарантии против реанимации материального фундамента агрессии в будущем. В документе подчеркивалось, что “существующая экономическая основа японской военной мощи должна быть уничтожена и ей не будет позволено возродиться”. В этих целях намечалась целая программа мер:

- немедленное прекращение и запрещение производства в будущем всех товаров, предназначенных для снаряжения и обслуживания каких-либо вооруженных сил или военных учреждений;

- наложение запрета на всякое специализированное оборудование для производства или ремонта орудий войны, включая морские суда и все виды авиации;

- установление контроля за отдельными элементами японской экономической деятельности в целях воспрепятствования скрытым военным приготовлениям;

- ликвидация тех отраслей японской промышленности, которые главным образом работают на подготовку к войне;

- запрет специализированных исследований, направленных на развитие военной мощи;

- ограничение размеров и характера тяжелой промышленности Японии до уровня, отвечающего ее будущим мирным потребностям;

- ограничение японского торгового флота до такой степени, которая необходима для достижения целей демилитаризации.

Окончательная судьба производственного оборудования, подлежавшего уничтожению в соответствии с данной программой (его конверсия, передача за границу или превращение в металлолом), должна была быть определена после инвентаризации¹⁰.

⁸ Ibid., p. 424.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Ibid., p. 424–425.

В документе выдвигалась программа содействия демократическим процессам в японской экономике. Она включала в себя поощрение развития организаций трудящихся в промышленности и сельском хозяйстве на демократической основе. Приветствовалась политика широкого распределения доходов и собственности на средства производства и торговли. Получали поддержку такие формы экономической деятельности, организации и управления, которые укрепляли мирный настрой японского народа и затрудняли использование экономической деятельности в военных целях.

Для осуществления этих задач Верховному командующему предписывалось:

а) запретить находиться на важных постах в японской экономике лицам, которые не способствуют ее мирному развитию;

б) содействовать роспуску крупных промышленных и банковских конгломератов, которые контролировали огромную часть японской торговли и промышленности¹¹.

Отдельный параграф посвящался налаживанию мирной экономической деятельности в Японии. В нем отмечалось, что горькая судьба Японии, разруха и страдания ее народа являются прямым результатом ее собственной политики и что союзники не станут взваливать на себя бремя возмещения ущерба. Это может сделать только сам японский народ, если он откажется от всяких военных намерений и приспособится к мирной жизни. Для этого ему необходимо взяться за восстановление страны, глубоко реформировать природу и направление экономической деятельности и институтов, найти полезное применение себе на мирном поприще. Союзники не намерены препятствовать этому.

Япония обязана была обеспечивать товарами и услугами оккупационные силы, выполнить репарационные требования союзников, способствовать восстановлению японской экономики, которая могла бы удовлетворить мирные потребности населения. В этой связи японским властям с одобрения Верховного командующего разрешалось устанавливать контроль над экономической деятельностью¹².

Союзники в наказание за агрессию накладывали на Японию обязательства по репарациям (возмещению нанесенного ущерба) и реституции, т.е. возвращению, награбленной в ходе войны иностранной собственности. Согласно документу репарации с Японии взымались двумя способами: 1) конфискацией ее зарубежной собственности; 2) передачей товаров и капитального оборудования, не имеющих мирного назначения или не предназначенных для оккупационных войск союзников. В отношении реституции было указано, что эти мероприятия должны быть проведены быстро, в полном объеме и касаться всей обнаруженной награбленной собственности.

За японскими властями сохранялась ответственность по проведению внутренней финансовой и денежно-кредитной политики с одобрения и под надзором Верховного командующего.

Японии обещалось восстановление в будущем нормальных торговых отношений с остальным миром. Но на период оккупации вводились ограничения. Под соответствующим контролем ей разрешалось покупать за границей необходимые сырье и другие товары мирного назначения и экспортировать собственную продукцию в целях оплаты импорта. Контроль сохранялся за всем импортом и экспортом Японии, а также за ее финансовыми операциями за границей. Верховный командующий обязан был следить, чтобы эта ее деятельность не противоречила оккупационной политике и была направлена на удовлетворение только существенных нужд страны¹³.

Японская собственность за границей, включая собственность императорского двора и правительства, подлежала конфискации для последующего распоряжения согласно решению союзников.

Американские разработчики позаботились и о равенстве иностранной предпринимательской деятельности в Японии. Японским властям и организациям бизнеса не разрешалось предоставлять исключительные или преимущественные права иностранным

¹¹ Ibid., p. 425.

¹² Ibidem.

¹³ Ibid., p. 425–426.

предпринимателям или уступать им контроль над важными областями экономической деятельности.

Наконец в завершающем параграфе документа указывалось, что собственность семьи императора не должна освобождаться ни от каких мероприятий, необходимых для достижения целей оккупации¹⁴.

Таким образом, документ “Первоначальная политика Соединенных Штатов после оккупации” представлял собой грандиозную программу реформирования побежденной страны, какую не знала мировая история международных отношений в прошлом. Она учла недостатки Версальского мирного договора для Германии 1919 г., который союзники по Антанте не сумели как следует реализовать и проконтролировать. Она предусматривала переустройство всех областей жизни Японии – политической, экономической, духовной и была подчинена главной цели: кардинальному и окончательному искоренению агрессивности бывшего противника и созданию гарантий против ее возрождения. Главными средствами достижения этой цели признавались полное разоружение и демилитаризация Японии, демократизация жизни и развитие мирной экономики.

Впервые в мировой практике побежденная страна навсегда лишалась права иметь всякие вооруженные силы. Даже Германии после Первой мировой войны было разрешено содержать 100-тысячную сухопутную армию и небольшой военно-морской флот, которые впоследствии стали основой вермахта. В Японии же была запрещена даже гражданская авиация, поскольку ее можно было превратить в боевую, не говоря уже о военно-воздушных или военно-морских силах. Единственное – допускался небольшой торговый флот, необходимый для обеспечения японского импорта и экспорта.

Япония лишалась всего вооружения, боевой техники, военных материалов и сооружений. Более того, никогда в прошлом побежденной стране не воспрещалось иметь военную промышленность. В отношении Японии этот запрет носил тотальный характер. Физически ликвидировалась не только специализированная военная индустрия и оборудование, но также запрещалось производство всех товаров военного назначения и всякие исследования в военной области. Разreshалась только мирная экономика.

Полнота демилитаризации обеспечивалась также роспуском всех военных, милитаристских и ультранационалистических структур, отстранением со своих постов военных чиновников всех уровней, запретом воинствующей идеологии. Эти указания послужили основой для последующих массовых чисток должностных лиц прежнего режима. Впервые подлежали международному суду военного трибунала все высшие руководители, ответственные за развязывание войны и военные преступления.

Подлинная революция намечалась в области демократизации жизни и гражданских свобод в Японии, которую американцы считали наиболее развитой и чувствительной сферой политической культуры. Американские реформаторы никак не могли обойти стороной этот вопрос и не предложить японцам свой собственный опыт и достижения по этой части. Однако их предложения шли дальше их собственной американской практики, ибо неизбежно способствовали появлению и бурному росту различных левых, в том числе радикальных, движений, которые никогда не имели веса в самих Соединенных Штатах. Разрешение создавать демократические политические организации открывало дорогу появлению сильных социалистической и коммунистической партий, еще более мощных партий центристско-консервативного направления, но вычеркивало из жизни все реакционно-милитаристские организации прошлого, бывшие опорой прежнего режима.

Предоставление японским гражданам фундаментальных прав человека, ставших уже традиционной чертой западных демократических обществ, являлось необычным событием для всего азиатского мира и делало Японию лидером этого процесса в Азии.

Американские реформаторы не ограничились демократизацией только политической жизни японского общества. Они собирались также глубоко преобразовать и его заскорузлую экономическую сферу. Они уловили четкую связь между сверхмоно-

¹⁴ Ibid., p. 426.

полизмом и консерватизмом экономики Японии и агрессивностью ее политики. Для демократизации экономической жизни и создания здоровой конкурентной среды они намерены были ликвидировать и разукрупнить большие промышленно-финансовые и торговые корпорации и распределить их средства производства среди большего числа собственников. На этой базе впоследствии стало осуществляться расформирование так называемых дзайбацу. Поощрение демократических организаций на производстве означало поддержку рабочего движения.

Третьим важнейшим направлением реформирования Японии намечалась переориентация страны на развитие исключительно мирной экономики. При этом американцы вовсе не собирались помогать японцам восстанавливать свою экономическую сферу. Они полагали, что те должны сами все это сделать, а задача США – создать для этого предпосылки и благоприятные условия.

Конечная неудача с разоружением Германии после Первой мировой войны, за которым не был установлен должный контроль союзников, вынуждала американцев ввести длительный оккупационный режим в Японии и насильственным путем проводить необходимые мероприятия. Однако хотя этот режим и предполагал тотальный контроль за всеми областями жизни Японии со стороны оккупационной администрации, он все-таки замыслился в более мягкой форме, чем тот, что одновременно устанавливался в Германии. Несмотря на то, что вся власть в Японии принадлежала Верховному командующему союзников, в отличие от Германии напрямую он действовал только в отдельных случаях. Обычно же он должен был давать директивы императору и правительству для дальнейшего исполнения. Японские власти могли поступать и по собственной инициативе, но с обязательного предварительного одобрения их шагов и под контролем Верховного командующего по всем вопросам.

Наряду с переустройством Германии реформирование Японии представляло собой уникальный случай в международных отношениях. Никогда ранее победители не ставили перед собой целей глубинной трансформации внутренней основы поверженного государства. Все заканчивалось в худшем случае для него его завоеванием и уничтожением, в лучшем – отторжением от него отдельных территорий и контрибуцией. Никогда прежде не ставилась цель полного принудительного разоружения и демилитаризации побежденной страны, потому что безоговорочная вина сил милитаризма за агрессию до конца не признавалась и не выдвигалась задача устранения войны как таковой, считавшейся нормой жизни. Лишь с принятием в 1928 г. пакта Бриана – Келлога мировое сообщество озаботилось необходимостью запрещения войн при решении международных споров. Отсутствие механизмов и решимости в реализации этого обязательства обрекло тогда все предприятие на неудачу. И только невиданные разрушения и жертвы Второй мировой войны по-настоящему ужаснули международное сообщество, потребовав кардинальных шагов на этом пути.

Однако реализовать столь грандиозные задачи радикального переустройства международных отношений было по силам лишь крупнейшим державам, у которых в арсенале к тому же была не только военная и экономическая мощь, но и мессианская политическая идеология. Соединенные Штаты с их влиятельной и результативной идеологией американской демократии как нельзя лучше подходили для этого. И симптоматично, что именно эта страна с ее наследием миротворческих и пацифистских идей президента В. Вильсона (1918–1919 гг.) и государственного секретаря Ф. Келлога (1928 г.), “доктрины непризнания” аннексий госсекретаря Г. Стивенса (1932 г.) встала во главе движения за искоренение фашизма, милитаризма и агрессии, будучи надлежащим образом подготовлена к этой роли. Мессианская сущность политики США понуждала их не ограничиваться очередным половинчатым и кратковременным решением проблемы агрессии, а кардинально перестроить общественные системы государств-агрессоров и всю систему международных отношений в соответствии с их собственными и давно вынашиваемыми представлениями.

Помимо Соединенных Штатов еще и Советский Союз имел желание и готовность взять на себя глобальную роль в переустройстве Японии, и сразу же после окончания

Второй мировой войны советская сторона начала разрабатывать планы в этом направлении, во многом аналогичные американским, но не сравнимые с ними по масштабам и числу задействованных лиц. Другие же страны не были готовы к выполнению мессианской роли в отношении Японии и могли предложить лишь половинчатые рецепты. Например, английские эксперты выступали против широкомасштабной оккупации Японских островов, поскольку она представлялась им дорогим, рискованным и ненужным предприятием, которое следовало заменить союзным контролем за внешней торговлей и международными отношениями Японии. А для оккупации предлагалось выбрать лишь некоторые ключевые пункты на территории Японии и изредка демонстрировать ей свою военную мощь. Ненужными представлялись им и радикальные реформы японского общества. Они считали вполне достаточным ограничиться небольшими изменениями базовых институтов Японии для превращения ее в приемлемое демократическое государство¹⁵.

Когда 23 сентября 1945 г. “Первоначальная политика...” была опубликована, британский Форин офис прокомментировал, что ее экономические постановления выходят далеко за рамки Потсдамской декларации. В свою очередь японцы, по поступавшим сообщениям, были ошеломлены. Между тем будущий японский премьер-министр С. Иосида в своих мемуарах отмечал, что основные цели документа по существу совпадали с мыслями самих японцев с момента окончания военных действий¹⁶.

Спустя два месяца после получения “Первоначальной политики...”, а именно 3 ноября 1945 г., Макартуру от имени Комитета начальников штабов была направлена новая инструкция из Вашингтона, которая носила название “Основная директива о военном управлении в собственно Японии после капитуляции” (другое, более развернутое ее название: “Основная первоначальная директива для Верховного командующего союзных держав по оккупации и контролю в Японии после капитуляции”). Этот документ также являлся плодом работы тех же ведомств, что и в первом случае, и представлял собой значительно, в три раза, расширенный вариант “Первоначальной политики...” В нем конкретизировались и детализировались все те же вопросы, которые имелись в предыдущем документе. Хотя все прежние основные указания и положения здесь были сохранены, в него было добавлено много важных и интересных новшеств, на которых стоит остановиться.

Прежде всего в нем было дано уточненное определение территории собственно Японии, которая состояла из четырех главных и “около тысячи более мелких прилегающих островов, включая острова Цусима”¹⁷. Если первый документ говорил о суверенитете Японии над указанными островами, то эта директива обозначала район американской военной администрации, а поэтому не ссылалась на международные соглашения союзников по Японии и имела в виду фактически сложившееся на тот момент положение дел. Из этого следовало, что власть Макартура не распространялась на Южный Сахалин и все Курильские острова, занятые советскими войсками.

Директива конкретизировала мероприятия, относившиеся к функционированию военной власти в Японии. Макартуру предписывалось принять надлежащие меры для полного управленческого и административного отделения от Японии следующих территорий: 1) ее бывших подмандатных и иных островов в Тихом океане (Каролинских, Марианских, Маршалловых и др.); 2) Маньчжурии, Формозы и Пескадорских островов; 3) Кореи; 4) Карафуто (Южного Сахалина); 5) “таких других территорий, которые могут быть указаны в будущих директивах”. Это распоряжение не определяло национальный статус этих территорий, а лишь фиксировало, что они не подчиняются государственной власти Японии. При этом американцы по-прежнему предусмотрительно не упоминали

¹⁵ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1945, v. 6. Washington, 1969, p. 581–584.

¹⁶ The Yoshida Memoirs. London, 1961, p. 127; *Reischauer E.* Japan: The Story of a Nation. New York, 1974, p. 222.

¹⁷ Political Reorientation of Japan, p. 429.

Курильские острова, оставляя вопрос об их статусе в подвешенном состоянии до будущего решения союзников.

Макартуру было дано указание оккупировать Токио, а также по своему выбору столицы префектур и стратегические пункты, необходимые для осуществления контроля за японским правительством. В других случаях ему не следовало оккупировать какую-либо часть страны в отсутствие потребности в прямом военном управлении. При необходимости он мог использовать свои войска в любом районе Японии для восстановления законности и порядка, а также введения прямого военного управления. Начальники штабов подчеркивали, что американские войска должны так вести себя с японским населением, чтобы завоевать у него доверие к США и Объединенным Нациям.

Согласно директиве в Японии учреждались военные суды, которые должны были заниматься преступлениями против оккупационных войск.

Чтобы гарантировать ведущую роль военной администрации США в оккупационной политике, представителям гражданских ведомств Соединенных Штатов или правительств Объединенных Наций запрещалось исполнять свои оккупационные функции в Японии независимо и без одобрения Верховного командующего¹⁸.

Серьезные перемены были намечены в области политического и административного управления в Японии. Подлежали немедленному упразднению колониальное министерство Великой Восточной Азии, а также министерства военное, военно-морское и вооружений. Высшие должности в правительстве, включая премьер-министра и министров, могли занимать только лица, пользующиеся доверием оккупационных властей. Комитет начальников штабов США разрешал функционирование под контролем Верховного командующего местных и центральных органов власти, уголовных и гражданских судов, органов полиции. При этом из них в обязательном порядке изгонялись все ненадежные и реакционные кадры, связанные с прежним режимом и политикой.

По всей стране распускались мощные государственные политические организации, в течение долгого времени являвшиеся опорой прежней власти, такие как Политическая ассоциация Великой Японии, Ассоциация помощи имперской власти, Политическое общество помощи имперской власти. Японское правительство обязано было отозвать из-за границы тех своих дипломатов и агентов, на которых могли указать американские власти, а также передать союзникам архивы и собственность своих дипломатических представительств¹⁹.

В области демилитаризации Макартур должен был обеспечить быстрое разоружение японских вооруженных сил, включая жандармерию (но не гражданскую полицию), гражданский корпус добровольцев и все полувоенные организации, а их личный состав не удерживать в качестве военнопленных, а демобилизовать. Подлежали роспуску все военные и полувоенные организации, включая Высший военный совет, Совет фельдмаршалов и адмиралов, императорская Ставка, генеральные штабы армии и военно-морского флота, армейский, морской и гражданский корпуса добровольцев, жандармерия.

В директиве конкретно уточнялись категории лиц, подлежащих немедленному аресту по подозрению в военных преступлениях до последующего распоряжения. Это не только высшие должностные лица, как в прежней директиве, а все члены Высшего военного совета, Совета фельдмаршалов и адмиралов, императорской Ставки, генштабов армии и флота, а также все офицеры жандармерии и все армейские и морские офицеры, являвшиеся видными проводниками воинствующего национализма и агрессии; все важные фигуры ультра националистических, террористических и секретных патриотических обществ²⁰.

В сфере политической деятельности Макартуру предписывалось запретить распространение японской милитаристской и ультра националистической идеологии и пропаганды в любой форме, в том числе финансирование и поддержку со стороны японского

¹⁸ Ibid., p. 430.

¹⁹ Ibid., p. 430–431.

²⁰ Ibid., p. 431–432.

правительства религиозных синтоистских учреждений. Он обязан был установить минимально необходимые контроль и цензуру за гражданскими средствами связи, включая почту, радио, телефон, телеграф, кино и прессу, в целях обеспечения задач оккупации. Через имеющиеся средства массовой информации надлежало пропагандировать демократические идеалы и принципы.

Все существующие политические партии, организации и общества брались под контроль. Те из них, чья деятельность согласовывалась с требованиями и целями оккупации, поощрялись. В противном случае они запрещались. Всячески приветствовались демократические политические партии. В кратчайший срок должны были быть проведены выборы в представительные органы местной власти, а на региональном и национальном уровне – после соответствующего указания Комитета начальников штабов США.

Огромное значение американские власти придавали кардинальному изменению в системе образования Японии, которое должно было решительно трансформировать менталитет японского народа в мирном направлении. Макатуру предписывалось как можно быстрее возобновить работу учебных заведений. Все преподаватели, запятнавшие себя активной защитой воинственного милитаризма и агрессии, подлежали немедленному увольнению и замене приемлемыми и квалифицированными кадрами. Военное и полувоенное обучение в школах запрещалось. Школьные программы должны были включать концепции обучения, ориентированные на построение мирного и демократического японского общества. Все исторические, культурные и религиозные объекты надлежало защитить от разрушения и разорения²¹.

Экономическая часть директивы Комитета начальников штабов значительно расширяла и уточняла содержание предыдущего документа. Она распространяла власть Верховного командующего на всю экономическую сферу Японии, позволяла ему вносить любые необходимые изменения в управление экономикой. При этом он мог действовать либо напрямую, либо через императора и японское правительство. Однако в директиве прямо подчеркивалось, что он “не должен брать на себя какую-либо ответственность за экономическое восстановление Японии или укрепление японской экономики”. Это японцам предлагалось сделать самым путем отказа от милитаристских амбиций и налаживания мирной жизни.

Значительные уточнения были внесены в программу экономического разоружения. Макатура ставили в известность, что она будет включать в себя сокращение или ликвидацию некоторых отраслей японской экономики, связанных с военным делом, таких, как производство чугуна, стали, цветных металлов, алюминия, магния, химикатов, синтетического каучука, синтетического топлива, радио- и электрооборудования, автоматических механизмов, торговых судов, тяжелых машин. Разрешалась также конверсия этих производств в целях выпуска исключительно потребительских товаров²².

Указания, посвященные функционированию японской экономики, предусматривали принятие японским правительством эффективных мер, которые позволили бы ему, опираясь на собственные силы и ресурсы, избежать острого экономического бедствия; обеспечить справедливое распределение имеющихся запасов; удовлетворить оккупационные нужды и будущие репарационные требования. При этом потребности оккупационных сил не должны были ставить японское население на грань голода, массовых заболеваний и материальной нужды. Японским властям нужно было предпринять все усилия для максимального увеличения производства сельскохозяйственной и рыбной продукции, угля, стройматериалов, одежды и др.

Серьезную опасность для целей оккупации вашингтонские стратеги видели в инфляции. Макатуру поручалось проследить, чтобы японские власти приняли все возможные меры ради ее предотвращения.

Директива конкретизировала, в какие отрасли экономики был закрыт доступ активным сторонникам воинствующего национализма и агрессии. Им запрещалось находить-

²¹ Ibid., p. 432–433.

²² Ibid., p. 433–434.

ся на ответственных постах в промышленности, финансах, торговле и сельском хозяйстве. Это касалось, в том числе, всех, кто занимал ключевые позиции в этих отраслях начиная с 1937 г.

Макартуру предписывалось обеспечить защиту от уничтожения и сохранность всех заводов, оборудования, документации крупных японских промышленных и финансовых компаний, игравших важную роль в японской военной экономике²³.

Директива расширяла перечень мер, направленных на демократизацию экономических институтов Японии. Японские власти должны были как можно скорее отменить контроль за рабочими, который был установлен в военное время и создать законодательство, защищающее их интересы. Должны были быть устранены все юридические препятствия к возникновению организаций наемных работников на демократических основах, свободных от милитаристского влияния. Директива не запрещала забастовки, за исключением случаев, когда Верховный командующий полагал, что они мешают проведению военных мероприятий или прямо угрожают безопасности оккупационных войск.

Жесткий контроль устанавливался за всей внешней торговлей Японии. Не разрешался экспорт таких товаров, которые были необходимы для удовлетворения минимальных потребностей внутри страны, а также экспорт заводов и оборудования до выяснения возможности передачи их по линии репараций и реституции. Никакой импорт или экспорт не должны были служить оправданием для восстановления военного потенциала Японии. Японские власти не имели право вступать ни в какие экономические соглашения с иностранными правительствами или гражданами без предварительного одобрения Верховного командующего²⁴.

Специальный параграф был посвящен снабжению необходимыми товарами и помощи японскому населению. Макартуру поручалось принять все возможные экономические и полицейские меры для максимального использования японских ресурсов, чтобы строго ограничить импорт в Японию. Эти меры включали контроль за производством, ценами и черным рынком, за налогами и финансами, нормирование. Импорт ограничивался и предназначался только для предотвращения массовых заболеланий и гражданских беспорядков, которые угрожали оккупационным силам и военным мероприятиям. Он мог состоять лишь из минимального количества продовольствия, топлива, медикаментов и других необходимых предметов.

Макартур был обязан обеспечить честное и справедливое распределение запасов в соответствии с единообразными нормами. Распределение должно было осуществляться через соответствующие японские государственные агентства или коммерческие организации под его непосредственным контролем. Им же устанавливались и цены²⁵.

Финансовые вопросы оккупационной политики в новой директиве занимали одно из ключевых мест. В этой области Верховный командующий должен был действовать через японское правительство, но создать при этом независимый от него административный механизм. Директива предполагала, что финансовая система Японии будет функционировать на основе собственных ресурсов. Японские уполномоченные банки имели право выпускать денежные знаки только с разрешения Макартура. Японские власти обязаны были предоставлять Верховному командующему денежные средства и бесплатные кредиты в количествах, достаточных для покрытия всех оккупационных расходов. В случае нехватки денег в официальных иенах Макартур получал право по специальному распоряжению использовать дополнительно так называемые военные иены, которые имели ту же законную силу. Японские военные иены, имевшие хождение на оккупированных Японией территориях, прекращали свое действие. До особого распоряжения из Вашингтона Макартур не должен был устанавливать обменный курс между иеной и иностранной валютой. Обменный курс иены к доллару, распространявшийся исключительно на американский военно-морской персонал и военные цели, устанавливался в соотношении 15 к 1.

²³ Ibid., p. 434–435.

²⁴ Ibid., p. 435–436.

²⁵ Ibid., p. 436–437.

С важных постов из всех государственных и частных финансовых организаций изгонялись все активные проводники воинствующего национализма и агрессии. Закрывались все банки и другие финансовые учреждения, основной целью которых было финансирование военного производства, мобилизация или контроль финансовых ресурсов колониальных и оккупированных Японией территорий. Макатуру надлежало конфисковать или блокировать:

а) все драгоценные металлы, деньги, ценные бумаги и другие активы, являвшиеся собственностью национального правительства и местных органов власти; правительств и граждан европейских стран – членов фашистского блока; императорской семьи; националистических, патриотических и террористических организаций; лиц, подлежащих аресту по подозрению в военных преступлениях;

б) всю японскую (государственную и частную) иностранную валюту и внешние активы внутри страны и за границей;

в) нагребленную и насильственно вывезенную собственность;

г) произведения искусства, имеющие большую культурную и материальную ценность²⁶.

Хотя “Основная директива...” была составлена на базе предыдущего документа “Первоначальная политика...” от 29 августа 1945 г., она представлялась несколько более жесткой и карательной, особенно в экономической области. Самым известным здесь стало положение об отказе США брать на себя ответственность за экономическое восстановление Японии и усиление ее экономики, что должны были осуществлять сами японцы. Другим важным положением явилось право Верховного командующего запрещать забастовки только в крайних случаях, что давало демократическим силам большую свободу действий. Макатуру за время своей работы в Японии пришлось запретить ряд известных забастовок, когда он действовал согласно данной директиве. Наконец еще одной жесткой мерой стало ограничение импорта в Японию с разрешением ввоза только наиболее необходимых товаров, что ставило японское население и экономику, сильно зависимые от иностранного продовольствия и сырья, в трудное положение.

“Основная директива...” завершила в целом формулирование главных принципов программы оккупации, которых Соединенные Штаты придерживались в течение трех лет, до середины оккупационного периода. На наш взгляд, вполне справедливы сравнения программы реформирования Японии с “новым курсом” Рузвельта 30-х годов, высказываемые американскими авторами, например Т. Коэном, непосредственно причастным к проведению оккупационной политики²⁷. Также справедливы утверждения о том, что в некоторых областях ее радикализм даже выходил за рамки “нового курса”, например, в части кардинального переустройства политических и социальных институтов, не говоря уже о жестком требовании наказания военных преступников и чистки националистических элементов. Подобной точки зрения придерживается другой сотрудник американской оккупационной администрации Р. Финн²⁸. Эта программа, отмечает он, основывалась на серьезной юридической базе самих США, которая включала в себя американский “билль о правах”, законодательство о банкротстве трестов, социальную программу “нового курса”, конституции некоторых штатов. Кроме того, американские стратеги учли международный опыт обращения с побежденными государствами, когда победители старались ослабить их военный потенциал, взять репарации, наказать военных преступников, отстранить неугодных политических лидеров²⁹.

Однако, несмотря на большой размах, программа не отвечала на ряд важных вопросов, с которыми вскоре пришлось столкнуться американской администрации: Насколько широкой должна быть чистка государственных чиновников? Какие изменения следует внести в японскую конституцию? Должна ли Япония быть разоружена

²⁶ Ibid., p. 437–438.

²⁷ *Cohen Th. Remaking Japan. New York, 1987, p. 4.*

²⁸ *Finn R. Op. cit., p. 33.*

²⁹ Ibidem.

навсегда? Какие компании попадут под определение крупных промышленных и банковских конгломератов, подлежащих разукрупнению? Ничего не говорилось об избирательных правах женщин и земельной реформе.

Уже по получении первой директивы от 29 августа Макартур энергично приступил к ее выполнению. Его первой задачей стало максимально быстрое проведение разоружения и демобилизации японских вооруженных сил. Он хотел установить контроль над Японией за 30 дней, чтобы предотвратить партизанские действия со стороны отдельных японских вооруженных групп. Не желая предпринимать дестабилизирующие действия, он временно отложил чистку руководителей военного времени.

Макартур предоставил право самим японским властям провести демобилизацию своих вооруженных сил, хотя первоначально этому противился. Огромное количество военных материалов было уничтожено, зарезервировано оборудование для военного производства, предназначавшееся для будущих репараций. 16 октября 1945 г. Макартур публично объявил, что японские вооруженные силы «отныне полностью уничтожены.... Приблизительно семь миллионов вооруженных людей... сложили свое оружие. При осуществлении капитуляции в Японии... не потребовалось ни одного выстрела, ни капли крови союзников не было пролито»³⁰.

Проведение столь масштабной и безболезненной демобилизации и разоружения японских войск всего за два месяца явилось огромным достижением оккупационных властей и свидетельством готовности Японии выполнять условия капитуляции. Всякая опасность вооруженного сопротивления отныне исчезла. Демобилизованные японские войска начали возвращаться на родину с заморских территорий.

Вся оккупационная политика представляла собой сплошной океан приказов, направляемых для исполнения японскому правительству. За 80 месяцев своей работы в Японии верховные командующие союзных держав (Макартур, а затем с апреля 1951 г. генерал М. Риджуэй) выпустили около 6 тыс. инструкций, не считая писем, меморандумов и устных приказаний. Львиная доля приходится на первые месяцы.

Макартур создал отлаженную и эффективную систему управления оккупационной политикой. При нем находился головной руководящий орган – штаб Верховного командующего, который в пору расцвета состоял из 15 секций. Каждая из них курировала свои вопросы: политические, экономические, научные, образование, религию, информацию, цензуру и др. Максимально в штабе работало около 5 тыс. человек. Кроме того, Макартур возглавлял командование американских войск на Дальнем Востоке. На первом этапе ему подчинялись 8-я и 6-я американские армии в Японии, каждая из которых насчитывала около 230 тыс. человек. В конце 1945 г. 6-я армия была расформирована, а в 8-й оставлено около 200 тыс. человек. К концу 1948 г. 8-я армия была сокращена до 117 580 человек, включая небольшой контингент Британского Содружества наций, состоявший из английских, австралийских, новозеландских и индийских войск. Других иностранных оккупационных войск в Японии не было.

СССР отказался послать свои части, поскольку они должны были подчиняться Верховному командующему союзников. Хотя Трумэн в августе 1945 г. не дал согласия Сталину на предоставление советским войскам отдельной зоны оккупации на о. Хоккайдо, Москва продолжала настаивать на этом уже через своего представителя в Японии генерала К.Н. Деревянко, но Макартур решительно отверг эти требования. Деревянко был оскорблен и угрожал Макартуру, что Советский Союз будет добиваться его смещения. Он также заявил ему, что независимо от его согласия советские войска высадятся на Хоккайдо. В ответ Макартур пригрозил, что если хоть один советский солдат вступит в Японию без его разрешения, он бросит в тюрьму всю миссию СССР в Токио, включая и Деревянко. Советский генерал был ошеломлен услышанным, но затем произнес: «“О, боже, я верю: вы сделаете это”. Повернулся и вышел»³¹. Больше эту тему советские представители не затрагивали.

³⁰ Ibid., p. 742.

³¹ MacArthur D. Op. cit., p. 285.

Чтобы придать директивам оккупационной администрации легальное основание, японцы должны были трансформировать их в соответствующие законы или издавать императорские декреты, которые получили в народе название потсдамские указы. Это было оформлено императорским указом от 20 сентября 1945 г., который одновременно вводил наказание для японцев за нарушения в этой области. После вступления в силу новой японской конституции в 1947 г. императорские указы были заменены правительственными.

Давление, оказываемое оккупационными властями на японское правительство, привело к отставке 5 октября 1945 г. кабинета принца Хигасикуни, хотя еще за шесть дней до этого Макартур говорил премьер-министру, что он не видит необходимости в его смене. 9 октября было назначено новое правительство во главе с известным дипломатом бароном К. Сидэхарой, который в 20-е – начале 30-х годов занимал пост министра иностранных дел.

Спустя два дня Макартур поручил Сидэхаре как можно быстрее провести следующие реформы в общественном устройстве страны:

1. Предоставить избирательные права женщинам.
2. Поощрять создание профсоюзов, которые могли бы иметь влиятельный голос в защите прав трудящегося человека от эксплуатации и плохого обращения и в подъеме его жизненного уровня.
3. Принять необходимые меры для устранения злоупотреблений при использовании детского труда.
4. Ввести в школах более либеральную систему образования, которая исходит из понимания того, что правительство является “службой, нежели господином народа”.
5. Ликвидировать систему “тайной инквизиции и сыска”, держащей людей в постоянном страхе, заменив ее такой, которая гарантирует людям защиту от деспотизма, произвола и несправедливости и обеспечит свободу мыслей, слова, религии.
6. Демократизировать японские экономические институты в целях устранения монополистического контроля в промышленности посредством “широкого распределения доходов и собственности на средства производства и торговли”.

Кроме того, Верховный командующий приказал премьеру принять незамедлительные и серьезные меры в административной сфере по линии обеспечения населения жильем, продовольствием, одеждой, чтобы предотвратить эпидемии, болезни и голод перед лицом надвигающейся зимы³².

Отбор указанных мер был произведен лично Макартом и его штабом и за исключением шестого пункта не был прямо связан с инструкциями, полученными из Вашингтона. Некоторые из них, правда, вытекали из этих директив, но были им трансформированы и расширены. Избирательные права женщин и детский труд вообще никак не фигурировали в вашингтонских указаниях.

Премьер-министр заявил Макарту, что его правительство постарается осуществить предложенную политику. Уже предпринимались шаги по включению избирательных прав женщин в новый закон о выборах и некоторые другие меры, упомянутые генералом. Вопрос о поощрении профсоюзов и антитрестовских мероприятий вызвал некоторое беспокойство у премьера, но он пообещал изучить его вместе со своим правительством³³.

В конце 1945 г. японские власти продвинулись по пути избирательной реформы. 15 декабря японский парламент принял закон, предоставлявший право избирать всем гражданам старше 20 лет. Эта мера более чем удвоила электорат, который ранее был ограничен мужчинами старше 25 лет³⁴. Были произведены и некоторые другие изменения. Макартур и его штаб решили не вмешиваться в японский избирательный процесс,

³² Ibid., p. 294.

³³ Finn R. Op. cit., p. 40.

³⁴ Williams J. Japan's Political Revolution under MacArthur: A Participant's Account. Athens, 1979, p. 101–102.

несмотря на сильную склонность Верховного командующего, особенно в первые дни оккупации, навязать японцам американскую модель.

Осенью 1945 г. в Японии быстрыми темпами шло образование политических партий. Первой возникшей после капитуляции партией явилась социалистическая, созданная 2 ноября, предпочитавшая, чтобы по-английски ее называли социал-демократической, поскольку это было приятнее для американского уха. Ее лидером стал Т. Катаяма, бывший депутат парламента и известный юрист. Впервые в японской истории легальную партию образовали коммунисты, хотя свой отсчет она вела еще с 1922 г. Она стала восстанавливаться после того, как в начале октября ее лидеры были выпущены из тюрьмы. Ее руководителями были К. Токуда и С. Носака, вернувшийся из Китая в начале 1946 г.

Две крупные консервативные партии – либеральная и прогрессивная – имели едва заметные различия в своих доктринах. Лидером Либеральной партии, обладавшей 50 голосами в парламенте в период войны, являлся опытный политик и будущий премьер И. Хатояма. Прогрессивная партия с 249 местами была крупнейшей в парламенте времен войны. Всего же к декабрю 1945 г. 35 политических партий объявили о своем намерении участвовать в предстоявших новых выборах.

Упомянутые четыре крупнейшие партии в той или иной степени выступали за строгое осуществление условий капитуляции, политические и экономические реформы, уважение индивидуальных свобод. Возникшая в Японии сразу же после войны политическая модель определила весь будущий политический ландшафт страны: крепкие консервативные и центристские силы, социалисты – левее центра и коммунисты на крайнем левом фланге. Двухпартийная система в стране не сложилась.

Таким образом, планирование и организация оккупационной политики в Японии в самые первые послевоенные месяцы оказалась целиком в руках американцев. В результате они получили полную свободу в осуществлении желаемых идей и программ. Эти программы представляли собой масштабные мероприятия по реформированию побежденного вражеского государства, которые впервые применялись в международной практике. Япония в этом смысле рассматривалась как своеобразная лаборатория по коренному преобразованию тоталитарно-авторитарного государства в демократическое. Многие из этих мероприятий шли даже дальше того, что американцы решались сделать у себя дома. Покоренная и безропотная Япония гарантировала в данном случае чистоту крупнейшего социального эксперимента. Он предусматривал переустройство всех областей жизни страны – политической, экономической, духовной и был подчинен главной цели: кардинальному и окончательному искоренению агрессивности бывшего противника и созданию гарантий против ее возрождения.

Намеченные планы реформирования Японии в целом успешно осуществлялись американскими властями в первые годы оккупации и были поддержаны контрольными органами союзников, которые одновременно требовали их активизации и точного исполнения. Так, в июне 1947 г. союзная Дальневосточная комиссия приняла свой основополагающий политический документ, аналогичный рассмотренным выше американским директивам, который даже носил очень схожее с ними название: “Основная политика в отношении Японии после капитуляции”³⁵.

Однако с 1948 г. в связи с напряженной внутриполитической обстановкой в Японии и набиравшей обороты “холодной войной” и особенно после начала в 1950 г. Корейской войны в оккупационной политике США стали намечаться изменения, которые ярче всего проявились в усилении японских силовых структур, когда были увеличены полицейские силы страны, наращивалось их вооружение. Хотя эти меры вынуждались серьезным изменением общей военно-политической ситуации в мире и в регионе, они, безусловно, являлись отходом от некоторых первоначальных планов и политики американской администрации и в дальнейшем нашли свое продолжение и развитие.

³⁵ Сборник решений Дальневосточной комиссии (февраль 1946 г. – июль 1948 г.). М., 1948, с. 10.